

Д. В. Мазарчук

**МОДЕЛИ СОЦИО И ПОЛИТОГЕНЕЗА
В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ (ИЕРАРХИЧЕСКИЕ
И ГЕТЕРАРХИЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА)**

Проблематика, связанная с политогенезом, достаточно интегрирована в современную науку, но вместе с тем последняя пока не может дать окончательного ответа ни на один из основных вопросов этой темы. В данной работе будет рассмотрена проблема нелинейной эволюции политических форм. При этом следует условиться, что мы не редуцируем политогенез к стейтогенезу, как это ошибочно делают некоторые авторы. Политогенез означает не только лишь процесс перехода от простого уровня политической организации к государственности, но переход с одного типа организации к другому (от одного типа политики к другому). Этот переход может осуществляться как в вертикальном направлении, так и в горизонтальном – на одинаковом уровне сложности. Следует помнить, что понятие эволюции включает три возможных варианта перехода: повышение уровня сложности, его понижение, переход с одного равного уровня сложности на другой¹. Поэтому эволюцию надо понимать не однолинейно, в духе прогрессизма XVIII–XIX вв., а в качестве «процесса структурной реорганизации во времени, в результате которой возникает форма или структура, качественно отличающаяся от предшествующей формы»².

Наиболее плодотворной, по крайней мере, до 90-х гг. XX в., для понимания путей возникновения государственности была теория вождества. Один из первых ее разработчиков американский антрополог Э. Сервис предложил следующую цепочку форм политической организации людей: *band – tribe – chiefdom – state*. Каждый из уровней развития определялся им по нескольким параметрам, ведущими из которых являются способ хозяйствования; уровень стратифицированности; тип лидерства. Ключевое место в «последовательности Сервиса» занимает *chiefdom* (вождество), представляющее собой промежуточную стадию между социально-политической организацией эгалитарного общества и ранней государственностью. Сервис рассматривал вождество как среднеранговую политику (*medium-range polity*), которая может быть охарактеризована следующим образом: редист-

рибутивный обмен; развитая стратификация и глубокое социальное неравенство; наличие постоянной власти вождя, концентрирующего в своих руках инструменты редистрибуции³. Кроме того, вождество характеризуется развитой идеологической системой, как правило, имеющей религиозное оформление. Хотя вождество и приближается по некоторым параметрам к государству, его относят к первобытности. Главным отличием здесь является отсутствие в вождествах формального аппарата власти, другими словами – отсутствие легальных каналов применения насилия. Власть хотя и выделилась в особую подсистему общества, но она еще не специализирована внутри себя.

На протяжении 1960–1990-х гг. адекватность включения в указанную последовательность практически каждого элемента была оспорена. В частности, подвергалось сомнению промежуточное место племени на эволюционной линии между *band* и *chiefdom*. Основанием для сомнений служило то, что само по себе вождество возникает в результате централизации нескольких общин⁴; стадия племени в этом случае получается пропущенной. Кроме того, племенная организация вовсе не означает иной (в частности, более низкий) уровень культурной сложности, нежели вождество. Поэтому племя стали рассматривать как эволюционную альтернативу последнему. Постепенно в умах многих (хотя далеко не всех) антропологов утвердилось отождествление вождества с любой среднеранговой политией. Так, Т. Эрл признает, что «...тип “вождество” является полезным для обозначения обществ, в общем одинакового уровня и организации»⁵. Он определяет его как «промежуточные политии (*intermediate-level polities*), эволюционное звено между маленькими, общинными политиями и крупными бюрократическими государствами»⁶. Таким образом, фактически игнорируется основной признак вождества – постоянный контроль верховного вождя над группой общин.

Один из видных критиков недостатков современного неозволюционизма П. Л. Белков сравнил работу исследователей, занимающихся «ранней государственностью», с состязанием Ахиллеса и черепахи. Он пишет, что предложенные критерии вождества или ранней государственности отражают простую сумму признаков, не имеющую сущностного обоснования. Тенденция постоянно выделять все новые и новые промежуточные формы в действительности означает выделение тех или иных разновидностей вождества⁷ (дополним: или равной ему по сложности неиерархической формы социальной интеграции).

В качестве характерного примера приведем предложенный Э. Редмонд термин *chieftaincy*, определяемый ею как «централизованное политическое лидерство, действующее время от времени над автономными общинами, обычно кратковременно»⁸. Здесь мы сталкиваемся с неким предшественником вождества, которое, в свою очередь, само является предгосударством. Поэтому Белков ставит вопрос следующим образом: или мы лишим теорию вождества (а также раннего государства) смысла «недостающего звена», или этот термин утратит содержательное наполнение!⁹

Наилучший, на наш взгляд, выход из затруднения, в котором оказалась неозволюционистская парадигма политогенетических штудий, предложила группа российских исследователей (А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко и др.). Прежде всего, они предложили рассматривать вождество в контексте схемы иерархические/гетерархические модели общества. Современные социальные антропологи признают существование двух магистральных направлений общественной эволюции. Каждое из них одинаково значимо в истории человечества. Предлагаемые названия для этих двух направлений – иерархические (вертикальные, недемократические) и гетерархические (горизонтальные, демократические) общества. Критерий их разделения понятен – первые строятся на более или менее сложной иерархии (как пример можно привести «последовательность Сервиса», описанную выше), вторые же предполагают существование «демократических» способов принятия политически значимых решений. Гетерархию определяют как вид взаимоотношений элементов, при котором они не ранжированы (*unranked*) или же «содержат возможность ранжирования несколькими различными способами»¹⁰. Иерархия же предполагает разные уровни (ранги) элементов системы. Если в первом случае в обществе доминируют вертикальные отношения (господство и подчинение), то гетерархическая модель ставит на первое место горизонтальные связи.

В данной модели речь идет о принципе внутренней организации, норме соотношения между индивидом и общностью. Например, государство современного типа предполагает существование опосредующих структур между гражданином и сувереном. Порядок принятия решений зависит от этой иерархии. В гетерархическом обществе каждый его член напрямую участвует в политике, без посредников. Без-

условно, в каждом обществе можно обнаружить как иерархические, так и горизонтальные, неиерархические связи и отношения. Однако, это не исключает главного принципа описанной концептуальной схемы. Следует учесть, что практически каждая система складывается из нескольких уровней организации и может включать несколько иерархий, основанных на различных критериях (происхождение, богатство и т. д.). В этом случае гетерархическая модель предполагает распространение горизонтальной структуры над имеющимися иерархиями, и *vice versa* (относительно иерархического общества). Таким образом, предложенная схема помогает описывать прежде всего сложные типы социально-политической организации. Указанные авторы предлагают анализировать последние, опираясь на следующий тезис: «Трансформация простых обществ в более сложные необязательно является результатом появления иерархически организованных вожеств, но достаточно часто приводит к формированию гетерархической, не связанной с вожеством (*non-chieftdom*), социально-политической организации»¹¹. Приводится множество примеров такого рода обществ¹².

Безусловно, наиболее известным из них является эллинский полис, подробно исследованный специалистами-антиковедами, в том числе и с позиций его «внегосударственного» характера. Политические учреждения аттического полиса (эклесия, совет, гелиэя и др.) не были отделены от коллектива граждан. Существовала устойчивая тенденция к увеличению численности магистратов, ведь «немногие скорее поддаются соблазну корысти и личных симпатий, чем большое количество» (*Arist. Ath. Pol.* 41, 2). Другие причины этой тенденции: раздробление полномочий магистратов (что пресекает возможность узурпации власти) и допуск как можно большего числа граждан к должностям. Конечно, для этого население полиса должно было быть «легко обозримым», ведь «для того чтобы распределять должности по достоинству, граждане непременно должны знать друг друга» (*Arist. Polit.* VII, 4, 7). Так осуществлялась «прямая демократия», соблюдался принцип народовластия, т. е. правления всего гражданского коллектива. Большинство магистратур формировалось на один год, нередко не выборным путем, а по жребию. Все они были коллегиальные (минимум 9 человек); возможность повторного избрания исключалась (если не считать военных магистратур). Только в Совет пятисот можно было путем жеребьевки попасть дважды в жизни.

Согласно О. Мюррею, основной целью политики в полисном мире было достижение единства, а не компромисса¹³. В Афинах это обеспечивалось литургиями, которые налагались на богачей, в то время как безземельные бедняки выводились в клерухии (земледельческие колонии) за пределы Аттики. Более интересен политический инструментарий, выполняющий ту же функцию. Высшим органом в афинском полисе была экклесия – народное собрание. На нем могли присутствовать все взрослые граждане мужского пола; обычно кворум составлял 6000 человек. Повестку дня и предварительное решение для утверждения экклесией определял Совет пятисот, однако, по ходу заседания народного собрания любой гражданин мог на нем выступить и выдвинуть свое предложение для голосования. Конечно, больше других мог обратить внимание на свое выступление человек, занимавший какой-либо пост, либо же просто влиятельная особа. Большинство граждан в экклесии являлись только «зрителями речей» (*Thuc.* III, 38, 4). П. Дж. Родс так определил смысл выступлений ораторов в экклесии: «Мне представляется, что в афинском собрании было значительно больше колеблющихся, нежели в современных парламентах, поэтому популярный политик должен был быть и популярным оратором, который мог бы склонить колеблющихся на свою сторону»¹⁴. Не всегда это удавалось; эллинский историк Фукидид много пишет об изменчивости афинского демоса.

Афинский полис знал множество магистратур, общая численность которых достигала нескольких сотен человек. Они избирались гражданами на народном собрании путем поднятия рук или через жеребьевку, там же отчитывались в своих действиях. Плутарх пишет, что признанный глава Афин, авторитетный политик Перикл готовился к регулярному отчету перед народным собранием, не подпуская в этот период к себе даже друзей (*Plut. Alcib.* 7). Каждый магистрат должен был отчитываться подобным образом. Были случаи, когда народное собрание приговаривало должностных лиц за нарушения к смерти. Средством ограничения волонтаризма магистратов была возможность применения «графэ параномон» – «жалобы на противозаконие». Согласно этому праву любой афинский гражданин мог выступить в экклесии с заявлением, что принятый закон противоречит существующему законодательству или принят с нарушением установленного порядка. Заявление рассматривала гелиэя (суд народных заседателей);

на период рассмотрения действие оспоренного закона приостанавливалось. Если жалоба признавалась справедливой, то закон кассировался, а его автор наказывался вплоть до смертной казни.

Дополнительным средством контроля за деятельностью представителей политической элиты в Афинах, как и в других полисах, были остракофории. Как известно, этот институт заключался в изгнании за пределы территории гражданской общины того или иного лица. В Аттике изгнание осуществлялось сроком на 10 лет с правом возвращения. При этом за изгнанником оставались все права на его имущество. Процедуру остракизма в Афинах производило народное собрание, не чаще одного раза в год. Характернейшей особенностью института остракизма И. Е. Суриков назвал то, что изгнание осуществлялось не в виде наказания за действительно существующую вину, а «для профилактики» тирании *ante factum*¹⁵. Это процедура катартическая, имеющая отношение к религиозному ритуалу изгнания «козла отпущения» (греч. *φάρμακος*), как это доказала Л. Холл. Не случайно остракофории проходили весной, в пору обновления природы. Эту процедуру можно связать с карнавальным снятием бинарной напряженности, разрешением внутренней смуты (*στάσις*) средствами «выворачивания наизнанку» (термин М. М. Бахтина)¹⁶. При этом фактически стиралась грань между политическим противостоянием и личной враждой, между рациональной целесообразностью и дионисийским разгулом.

Предложенный выше подход позволил М. Беренту, в результате анализа обширного фактического материала, сделать вывод о том, что «греческий полис являлся скорее ассоциацией, чем государством»¹⁷. Этот тип сложных обществ необходимо отнести к альтернативным вождеству или, возможно даже, раннему государству. Полис не был единичным случаем этой модели. Его примеры находят в самых разных цивилизациях и эпохах, причем больше всего данных дают горские народы периферии великих цивилизаций Старого Света¹⁸.

Предложенную схему гетерархические/иерархические нельзя рассматривать как образ жестко детерминированных направлений политогенеза. Речь идет о моделях социального и политического устройства, предполагающих разные принципы их основания. В частности, Д. М. Бондаренко и А. В. Коротаев пришли к выводу, что иерархические и гетерархические общества с точки зрения политогенеза «раз-

личаются соотношением родственного и территориального начал в их организации»¹⁹. Эти авторы связали политогенез таких обществ с разным типом общин – большесемейной, в которой ведущую роль играют вертикальные родственные связи, и соседской, с доминированием горизонтальных отношений на условиях равноправия. Следует учитывать то, что гетерархия не означает эгалитарное общество. К последним можно отнести коллективы с неразвитой социальной организацией, которая не предполагает необходимости в сложном механизме управления. Это понятие в большей мере относится к обществам, не пережившим «неолитической революции», не знающим производящего хозяйства. Гетерархия – намного более широкое понятие, применимое по отношению к сложным обществам. Не случайно К. М. Контопулос определяет гетерархии как «запутанные сложносоставные структуры» (*tangles composite structures*).

Если в иерархическом обществе мы находим стройные линии вертикальных отношений между различными уровнями социальной иерархии или иерархии власти, то в гетерархиях предстает совсем иная картина. В них образуется несколько элит, более или менее равнозначно оказывающих влияние на жизнь общества. К. М. Контопулос пишет о структурах, «в которых отсутствует единственный руководящий горизонт... Различные горизонты (*levels*) пробуют установить влияние друг на друга в определенном частном отношении»²⁰. Так, в полисе сосуществовало несколько иерархий, каждая из которых основывалась на одном критерии (богатство, происхождение, гражданство...). Определяющим было то, что общего, выравнивающего абсолютно всех жителей полиса, критерия не было.

Таким образом, в эллинских гражданских общинах наличествовало хаотическое сплетение социальных связей – гетерархия иерархий. Это гетерархически организованные иерархии. Поэтому вариативность гетерархии можно противопоставить другой модели отношений, в которой существует лишь один путь ранжирования элементов, одна-единственная иерархия связей (гомоархическое общество)²¹. Несмотря на то что существует устойчивая тенденция к вытеснению иерархией гетерархии при формировании среднеранговых политий, гетерархические отношения полностью не исчезают. Усложнение социально-политической структуры при этом достигается за счет совершенствования внутриобщинных институтов (а не надобщинных, как в

модели иерархических обществ). Добавим, что данные приматологии и смежных дисциплин свидетельствуют в пользу того, что дихотомия «иерархическое» – «гетерархическое» берет начало в природе приматов²². Впрочем, этот вопрос до конца не прояснен.

Иерархические и гетерархические общества различаются не только структурно. От синхронии следует обратиться к диахронии, затронув собственно проблематику политогенеза. В наше время многовариантный (или, как обычно пишут, мультилинейный) подход заменил в ведущих областях гуманитарного знания примитивные прогрессистские схемы. Дело в том, что об одной общей для всех линии социальной эволюции возможно говорить лишь в том случае, если будет доказано существование абсолютной корреляции между всеми показателями этой эволюции. Любое, даже самое малое, исключение уже лишает однолинейную схему права на существование. Методы кросс-культурного исследования позволяют провести сравнительный анализ многих обществ, а накопленный за минувшее столетие грандиозный эмпирический материал исключает вероятность значимых упущений. Вывод, который делают исследователи, проанализировавшие имеющиеся данные, гласит – «нет ни одной пары значимых эволюционных показателей, между которыми наблюдалась бы стопроцентная корреляция, функциональная зависимость»²³. Таким образом, господствовавшая несколько столетий однолинейная схема терпит крах. Впрочем, и без проведения анализа объемистых баз данных, интуитивным путем, мы приходим к тому же результату. Современные технологии раскрывают перед нами столь широкий горизонт населенного мира, что указанный выше вывод очевиден. Принятие модели гетерархического общества предоставляет для политогенетических штудий две возможности: во-первых, речь идет о нелинейных моделях перехода; во-вторых, предполагаются равнозначные ветви эволюции²⁴.

Э. Брумфил писала о том, насколько сложно представить альтернативу привычным иерархическим формам социально-политической организации: «сопряжение дифференциации с иерархией столь крепко в наших умах, что требуется огромное интеллектуальное усилие даже для того чтобы представить, какой могла бы быть дифференциация без иерархии»²⁵. Тем не менее накопленные наукой данные

свидетельствуют в пользу отказа от привычной ассоциации уровня социальной сложности с иерархическим устройством. Этот вывод следует отнести, в частности, к рассмотренному выше вождеству как одной из форм социальной организации. В нем следует видеть конкретно-историческое явление, сущность которого составляет политическое лидерство в условиях централизации общества. Указанный вывод применим и в отношении иных форм социально-политической организации.

¹ *Коротаев А. В.* Социальная эволюция: факторы, закономерности, механизмы. М., 2002. С. 4.

² *Voget F. W.* A History of Ethnology. N. Y., 1975. P. 862.

³ *Service E. R.* Primitive Social Organization. An Evolutionary Perspective. N. Y., 1962. P. 134ff.

⁴ *Carneiro R. L.* A Theory of the Origin of the State // *Science*. 1970. Vol. 169 (3947). P. 734–738; *Ibidem.* The Muse of History and the Science of Culture. N. Y. etc., 2000. P. 184.

⁵ *Earle T. K.* Chiefdoms in Archaeological and Ethnological Perspective // *Annual Review of Anthropology*. 1987. Vol. 16. P. 280.

⁶ *Earle T.* How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory. Stanford, 1997. P. 14.

⁷ *Белков П. Л.* Проблема генезиса государства: перерастает ли вождество в государство? // *Цивилизации Тропической Африки: общества, культуры, языки*. М., 1993. С. 29, 38.

⁸ Chiefdoms and Chieftaincy in the Americas / Ed. by E. M. Redmond. Gainesville etc., 1998. P. 3.

⁹ См. его статью: *Белков П. Л.* Раннее государство, предгосударство, протогосударство: игра в термины? // *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности*. М., 1995.

¹⁰ Heterarchy and the Analysis of Complex Societies / Ed. by R. M. Ehrenreich, C. L. Crumley, J. E. Levy. Washington, 1995. P. 3.

¹¹ *Beliaev D. D., Bondarenko D. M., Korotayev A. V.* Origins and Evolution of Chiefdoms // *Reviews in Anthropology*. 2001. Vol. 30. P. 379.

¹² См. *Цивилизационные модели политогенеза*. М., 2002.

¹³ *Murray O.* Cities of Reason // *The Greek Cities: From Homer to Alexander*. Oxford, 1991. P. 21.

¹⁴ *Родс П. Дж.* Кому принадлежала власть в демократических Афинах? // *Вестник древней истории* 1998. № 3. С. 18.

¹⁵ *Суриков И. Е.* Функции института остракизма и афинская политическая элита // *Вестник древней истории*. 2004. № 1. С. 4–5.

¹⁶ *Hall L. G. H. Remarks on the Law of Ostracism // Tyche. 1989. № 4. P. 98–99; Суриков И. Е. Функции института остракизма и афинская политическая элита // Вестник древней истории. 2004. № 1. С. 27слл.*

¹⁷ *Берент М. Греция (XI–IV вв. до н. э.) // Цивилизационные модели политогенеза. М., 2002. С. 257.*

¹⁸ *См. Коротаев А. В. Горы и демократия: к постановке проблемы // Восток. 1995. № 3.*

¹⁹ *Бондаренко Д. М., Коротаев А. В. Политогенез, «гомологические ряды» и нелинейные модели социальной эволюции (К кросс-культурному тестированию некоторых политантропологических гипотез) // Общественные науки и современность. 1999. № 5. С. 130.*

²⁰ *Kontopoulos K. M. The Logics of Social Structure. Cambridge, 1993. P. 55.*

²¹ *Beliaev D. D., Bondarenko D. M., Korotayev A. V. Origins and Evolution of Chiefdoms // Reviews in Anthropology. 2001. Vol. 30. P. 381.*

²² *См. Бутовская М. Л. Биосоциальные предпосылки социально-политической альтернативности // Цивилизационные модели политогенеза. М., 2002; Бутовская М. Л. Мы и они: Эволюция социальности в отряде приматов и проблема происхождения человеческого общества // Биоархеология. Вып. 1. М., 2003; Бутовская М. Л., Файнберг Л. А. У истоков человеческого общества. Поведенческие аспекты эволюции человека. М., 1993.*

²³ *Бондаренко Д. М., Коротаев А. В. Политогенез, «гомологические ряды» и нелинейные модели социальной эволюции (К кросс-культурному тестированию некоторых политантропологических гипотез) // Общественные науки и современность. 1999. № 5. С. 137.*

²⁴ *Kontopoulos K. M. The Logics of Social Structure. Cambridge, 1993. P. 69.*

²⁵ *Brumfiel E. M. Heterarchy and the Analysis of Complex Societies Comments // Heterarchy and the Analysis of Complex Societies / Ed. by R. M. Ehrenreich, C. L. Crumley, J. E. Levy. Washington, 1995. P. 130.*